

университетская ЖИЗНЬ

ОРГАН ПАРТКОМА,
РЕКТОРАТА,
ПРОФКОМА
И КОМИТЕТА ВЛКСМ
КРАСНОЯРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Газета основана в 1972 году.

№№ 38—39 (493—494)

Среда, 6 декабря 1989 г.

Выходит один раз в неделю. Цена 2 коп.

ЕСТЬ ЛИ МАФИЯ НА ППФ?

◆ На ППФ состоялась встреча с ректором В. С. Соколовым. Мы не оговорились: в университете до сих пор говорят: «ректор выступал там-то», «ректор сказал то-то», — и все понимают, о ком речь.

◆ Проректор по учебной работе А. С. Проворов на последнем методсовете сказал, что этот учебный год должен пройти у нас под знаком качества. Пока же требования к студентам остаются занижены и вообще упали.

◆ То, что беспорядок в наших общежитиях царит во многом по вине самих студентов, станет, наверное, постоянной темой, а может, и потребует отдельной рубрики. И если бы речь шла только о неряшестве! Самый «свежий» пока пример — комната 723 (женская!) — во втором общежитии: пьяная вечеринка завершилась дракой и битыми стеклами. Речь пойдет, видимо, об исключении шести студентов из университета.

Администрацию волнует также проблема нелегального проживания в общежитиях — это прежде всего характерно для физического факультета. Часто именно «нелегалы» нарушают общепринятые правила.

◆ Во время встречи с Н. Д. Подуфаловым как депутатом (она состоялась после профсоюзной конференции в начале ноября) из зала было высказано пожелание встречи с ним как с ректором КГУ. Еще раньше, в сентябре, нам писали: «Вообще-то даже по отношению президентов США принято подводить первые итоги после 100 дней правления (а КГУ все-таки заведомо меньше США), пора это сделать и по отношению нами избранного ректора: время «притирки» прошло, и мы ждем как отчета о первых предпринятых шагах, так и конструктивной программы последующих действий».

Такой встречи особенно ждут те, кто на выборах ректора голосовал за Николая Дмитриевича.

◆ 30 ноября впервые в университете состоялся концерт рок-групп. Известно, что «Черный понедельник» — очень хорошая группа.

◆ Университет сейчас принимает гостей из Болгарии. Речь идет о создании совместного предприятия по производству компьютеров. Среди будущих участников упоминаются также Сингапур и Тихотетский леспромхоз.

28 ноября состоялся Методический совет, основным вопросом на котором был отчет лаборатории психологии о своей работе. Выступали В. Г. Цареградский и Б. И. Хасан; впрочем, достаточно емкую прамбулу сказал В. А. Болотов: это единственная лаборатория, которая ведет работу по обеспечению учебного процесса.

Научный руководитель лаборатории Б. И. Хасан обрисовал ее историю развития. Лаборатория была образована под исследование и обеспечение одного эксперимента — по КСО. С появлением при КГУ базовой экспериментальной школы № 106 началась работа по самоопределению старшеклассников (сейчас, как говорил В. Г. Цареградский, почти все сотрудники лаборатории большую часть времени проводят в 106-й школе) и одновременно в поле внимания лаборатории вошли исследования учебной деятельности в вузе — то, что на матфаке начали делать А. М. Аронов и В. Г. Васильев. С принятием концепции В. В. Давыдова (теория развивающего обучения) и началом осуществления совместной программы, все разработки решают вопрос: можно ли теоретический материал Давыдова использовать в обычной массовой школе.

Кроме того, от лаборатории требуется научное обеспечение чуть ли не каждого студента, по крайней мере ППФ.

Руководителей лаборатории спросили о популяризации своих новейших методов среди преподавателей университета. — Психологи регулярно встречаются с химическим факультетом. Встречались с физиками. К сожалению, такая форма работы, как Школа молодого педагога «пока приказала долго жить». Просуществовала она 3 года, провели 6 игр с молодыми преподавателями университета. Но сейчас, когда появился студенческий контингент ППФ, лаборатория вынуждена замкнуться на него.

Было рассказано о контактах с другими вузами. Подробнее — об учебной деятельности в вузе: — Здесь обещать и «нахватать», а

есть авторская разработка: запусковые игры. Применяются они только на ППФ, и в лаборатории пока не знают, как передать разработку другому пользователю, не имеющему той же идеологии. Методика по запускам подготовлена, но факультеты ее не приняли.

— Как Вы видите возможности совместной работы с экономическим факультетом? (вопрос заинтересованности в сотрудничестве). — Т. к. необходим пересмотр всей организационно-управленческой подготовки и все программы нужно менять, то линия сотрудничества — исследование по созданию нового курса.

— Как задействованы на факультете люди с театральным образованием? — Это в некотором смысле торжество Б. И. Хасана. Первые шаги — постановка правильной речи студентам ППФ. Когда они прошли просмотр, оказалось, что 70% студентов имеют дефекты речи, а для педагогов это важно.

ОППОНЕНТОМ по отчету и плану работы лаборатории психологии выступил К. К. Джансеитов.

Признавая всю важность и актуальность задач лаборатории, оппонент посмотрел ее работу с точки зрения ресурсов времени и исполнителей. Из около 20 сотрудников лаборатории только 4 имеют базовое психологическое образование. Недостаточна техническая оснащенность. Кроме того, все преподаватели страшно перегружены. Например, преподаватель может иметь 10 курсовиков и 3 диплома (как О. Г. Андрейчикова), — для преподавателя матфака это говорит о том, что ни о каком качестве дипломированного и курсового руководства не может быть и речи. На матфаке предел — 3 человека, четвертому говорят: «Ты — четвертый».

При этом психологи задействованы везде: на ППФ — в лаборатории — в школе 106 — в ОДИ — в комиссиях — в конкурсах «красоты и т. д.». Из этого несоответствия возможностей возмозможностей выводятся оппонент принцип тактики лаборатории: много «надеясь» и «нахватать», а

когда начинаешь спрашивать результаты работы — грандиозные планы ушли еще дальше и открыли еще большие перспективы. А подаются перспективы очень солидно, т. к. руководители лаборатории имеют звучные регалии: Председатель федерации творчества педагогов Сибири; член совета Центра профориентации Госкомстата СССР и т. д. —

Серьезный вопрос, которого коснулся К. К. Джансеитов — содержание Программы «Учитель». Вопрос серьезен потому, что среди ведущих научных подразделений, координирующих исследования по научному обеспечению программы, КГУ призван осуществлять «общее руководство». Т. е. не ППФ же, а весь университет будет отвечать за проведение этой программы, а кто на факультетах ее читал? и кто другие факультеты об этом спрашивал?

И дальше — К. К. Джансеитов просил об этом неременно написать, и я цитирую: «сведение программ в научных исследованиях АН СССР привело к тому, что принято сейчас квалифицировать как организацию мафии от науки; все пути забиваются, роли распределяются на много лет вперед, утверждается единоначалие...» Программа все «столбит».

С этим выступлением и такой квалификацией работы лаборатории психологии присутствующие, в общем, не согласились. Ю. В. Захаров, преподаватель физического факультета считает деятельность лаборатории психологии как нельзя более своевременной, а развитие базы лаборатории — одним из самых целесообразных вложений капитала.

О. Г. Проворова, зам. декана физического факультета, на утверждение, что у лаборатории всего «много, да мелко», — высказала мнение, что если сейчас психологи на себе замкнутся и будут свою большую тему развивать, то все мы станем бедные.

По поводу Программы «Учитель»: цель ее была — не «застолбить» места, а обратить внимание общества на бедственное положение школы.

ние школы.

Психологам было высказано пожелание: хотя бы 1 раз в год для преподавателей университета прочитывать лекции и давать выжимки из своих разработок.

Почему стоило написать об этом «столкновении» так подробно? Во-первых, потому что создание видимости серьезной и большой работы, действительно, имеет место в учебных заведениях и, видимо, в нашем тоже. Причем то, чем такие вещи прикрываются, К. К. Джансеитов заметил довольно точно: настолько далеко вперед ушедшими взглядами, что быть в них кому-либо компетентным и оценить их реальность — для простого смертного затруднительно. А теоретические выкладки еще подкрепляются признательностью данных людей везде и всюду: Председатель всесоюзного общества... и т. д.

Но, с другой стороны, насколько все это относится к ППФ? С момента образования и лаборатории, и факультета к ним установилось недоверие и подозрительность. «Чем они там занимаются» — действительно трудно и понять, а тем более объяснить. Язык, которым объясняют свою деятельность сами психологи, нам мало чем поможет. Но вот что останавливает в строгих оценках: жизнь на ППФ идет и всем нравится. Согласитесь это редкость, чтобы студенты были довольны уровнем преподавателей и чтобы по поводу фальшивых деятельности люди так длительно — и преподаватели, и студенты — отдавали свою энергию. Вот и К. К. Джансеитов удивлялся, что не понял одного: что ими движет и что им светит? Может быть, тогда стоит признать, что ППФ нам действительно пока непонятен, и «еще дальше» видно будет. Еще — мне кажется преимуществом ППФа, что, открывая некоторое пространство возможностей, он как раз не целиком его «забивает». Тогда как на других факультетах все возможности разыгрываются на узком и плотно набитом плацдарме. Хотя...

Вовсе не хочется «замыть» заявления о «мафии», да и о сочувствии или несочувствии ППФ. Раз слова сказаны, почему не определиться в ситуации?

В. ЧЕЛАЗНОВА.

◆ На состоявшемся отчетном партийном собрании рассматривались следующие вопросы:

Работа парткома университета за период с ноября 1988 по ноябрь 1989 года и основные направления в деятельности парткома на 1989—1990 гг. (докл. А. И. Баянов).

Роль партии в современном обществе и развитие внутрипартийной демократии (докл. В. В. Гришаев).

Выборы в состав парткома

Для обработки предложений в адрес 28 съезда КПСС по развитию внутрипартийной демократии была образована комиссия.

Комиссия обращается ко всем коммунистам университета с просьбой внести свои предложения по доработке проекта предложений. После доработки и обсуждения на партийном собрании предложения будут отправлены в вышестоящие органы, в том числе и в ЦК КПСС. С предложениями можно обращаться в партком или непосредственно к членам комиссии: Ардашкину В. Д. (юрфак), Балуевой Г. Р. (физфак), Болотову В. А. (ППФ), Гришаеву В. В. (каф. истории КПСС), Коваленко В. Г. (экономфак), Майорову М. (студент 4 курса юрфака); Тегану В. С. (каф. истории КПСС), Полихину П. А. (юрфак).

В состав парткома университета дополнительно избраны:

Малолеткова Инна Степановна — и. о. зав. каф. научного коммунизма;

Подуфалов Николай Дмитриевич — ректор университета;

Соколова Ирина Алексеевна — доцент кафедры политической экономии.

В парткоме университета можно ознакомиться с предложениями по проекту Устава КПСС, которые были рассмотрены на конференции партийных организаций учреждений АН СССР, состоявшейся 22—27 ноября 1989 года. А. И. БАЯНОВ.

Мы не публикуем основных направлений деятельности парткома на 1989—90 гг. и проект предложений по развитию внутрипартийной демократии, т. к. сами коммунисты их после собрания, конечно, знают. А если кто-то интересуется партийной жизнью, то может обратиться в партком и с материалами собрания познакомиться. — Ред.

Сегодня мы публикуем лекцию советского философа Мераба Константиновича Мамардашвили «Платон», которая была прочитана в МГУ в курсе по истории философии. Лекция эта имеет некоторые особенности, которые достойны упоминания.

Первое — это, конечно, предмет размышлений Мамардашвили — философия Платона. Казалось бы, разве не всем очевидно, что современная философия ушла вперед так далеко, что отстала позади наивные представления Платона об идеях, включила их в себя, переработала, «сняла»? Нет, не оставила. Нет, не включила. Нет, не переработала. Не сняла. Почему? Ответ на это мы получим лишь тогда, когда философия Платона действительно станет мертвой. Но станет ли она мертвой хоть когда-нибудь? Или нам суждено возвращаться в нее, в эту наивность и отсталость, в эту мифологическую рань чело-

вечества, чтобы понять ту изначальную суть, которая снова и снова заставляет обращаться человека к философии? Но разве не благодаря этому возвращению и ум наш — это нечто живое, порождаемое, существующее? Ответы на эти вопросы мы найдем в самой философии Платона.

И вторая особенность — манера философствования самого Мамардашвили. Дело в том, что до недавнего времени он мог высказывать свои мысли лишь на лекциях. Не было возможности, да и желания, писать, — а значит, излагать свои мысли понятийно, систематически, «предельно». Но историческая ситуация не может запретить философию (потому что философия имеет источником себя саму), и, поэтому выработался такой способ рассуждения, когда что-то как бы постоянно остается недосказанным, непонятым до конца, спрятанным. Зато подобный текст — если его записать — обладает такой глубиной, что при перечитывании второй, пятый, десятый раз — он все тот же, и нет, не тот — другой, как гераклитов огонь, скрывающий вечное и открывающий новое, требующий, однако, не поэтической эйфории, а строгого понимания.

Е. А. ЛЫСЕНКО.

М. Мамардашвили

Мы вводим понятия, через которые складывалась античная философия. Сейчас хочу вернуться к этому понятию с другой стороны, чтобы пояснить Вам некоторые основные философские операции, т. е. те, которые и стали самой философией. Прощу вспомнить, что когда мы говорим об античной философии, то мы говорим не только (не просто) об истории философии как об истории какого-то предмета, длежащего в истории, а мы говорим, фактически, о времени, когда сама философия была изобретена (просто изобретена) было изобретено что-то, что потом уже имеет историю, т. е. мы присутствуем при акте изобретения или рождения философии, для нас который хорош, если мы, условно говоря, притворимся наивными.

Это будет, конечно, только притворство, ибо мы полностью наивными, к сожалению или к радости, быть не можем; но можем принять наивность и будем философствовать как бы впервые — ведь есть не только много философских книг, написанных философами, но есть еще и много историй философии, если Вам приводить число книг по истории философии, то получится очень большой список. И когда я призываю Вас к наивности, я говорю еще и о притворстве, позволяющем забыть все эти книги, хотя они могут быть очень хорошие, наверняка хорошие, но допустим, мы их не знаем и заново вместе впервые философствуем, конечно, это очень сложно. Есть, например, такие вещи, которые если мы не ухватим, то вообще ничего не поймем, т. е. не поймем, что такое философия и что греки делали; о чем вообще шла речь.

Я упоминал и на этом закончил в прошлый раз **проблему форм**, подчеркивая следующее, что все эти разговоры о формах, все эти разговоры о том: «Вот как ты думаешь, что это? — ах, ты думаешь вот так, когда из этого вытекает то-то. — Вот ты говоришь «Мужество». Мужество — это радоваться поражению врага, например... — но кто, по-твоему, больше радуется поражению врага — храбрый или трусливый? Убегающей армии противника кто больше радуется — храбрец или трус? — И ты должен доказать, что трус, следовательно, ты мужество приписываешь разным предметам, один из которых исключает другой, хотя оба эти предмета имеют то, что ты называешь мужеством». Я говорил Вам, что в общем-то все это не только хорошая работа ума, которая в каждом конкретном случае может показать человеку, что он ошибается или просто не знает определения храбрости, хотя, как мы увидим потом, человек не знает общего определения, а имеет его. Самое важное в том, что все определения, которые в диалогах отвергаются, имеют одну общую особенность: они все содержательные, т. е. храбрость связана по своему содержанию или с чувственным удовольствием или неудовольствием, и поэтому имеет конкретное содержание: мы берем это содержание и на основе его в связи с ним пытаемся дать определение, что такое храбрость.

Сократ не отменяет одно какое-то содержательное определение как «неправильное» в пользу другого содержательного определения, которое было бы правильным, а он в принципе разрушает все содержательные определения. И так проводится все время мысль, которую чрезвычайно трудно уловить. Например, беседа с Каллигмахом о мужестве завершается, казалось бы, ничем: до конца никто не дает положительных определений. Положительных в каком смысле? По содержанию, т. е. мы не знаем, что такое мужество по содержанию, но знаем, что это такое. В каком смысле? Не по содержанию, а по форме, пустой форме, т. е. мысль Сократа, повторяю, состоит как бы в том, что определение относится к чему-то, что мы задаем **пустой формой**. Мы не можем по содержанию обосновать мораль, или, пользуясь кантовскими терминами, мы скажем так: в принципе невозможно содержательное обоснование морали. И Платон устами Сократа в том примере, который я приводил Вам, говорит о том, что само мужество есть некий **порядок**. Какой? Трудно сказать: не скажешь, что мужество есть то-то и то-то, иначе бы мы высказали какое-то содержание, причем один будет говорить одно содержание, другой — другое, в одной культуре принято мужеством считать вот это, в другой, — другое, важно, что, говоря о мужестве, имеют в виду какой-то определенный **рисунок поведения**. И для обоснования морали для нас не годится ни культурный контекст, или культурный релятивизм, ни сенсуальная «физическая» основа. Ни то, ни другое не дает нам возможности обосновать мораль, все у нас разваливается. А что разваливается? Универсальности у нас не получается. Итак, я хочу связать проблему формы или напомнить Вам эту связь, которую уже вводил, — проблему формы с проблемой **универсальности**. Итак, у нас возникает идея, что универсальность есть нечто такое, что можно найти лишь на уровне формы, без содержания. Я в прошлый раз Вам говорил о существовании в нашем языке некоторых понятий, от которых мы даже не ожидаем, чтобы они были содержательными, например, феномен **совести**: совестливыми мы называем весь тот ряд поступков, которые не имеют причин, т. е. те, которые чисто формальны и причина их есть они сами. Почему? Потому. Ни «потому», ни «поэтому» — так: «не могу иначе», т. е. почему «не могу иначе»? — не для этого и слово сказано: «не могу иначе». «Здесь я есть и не могу иначе», — сказал Мак-Магон, повторяя лютеровскую фразу, находясь на одном из бастионов, когда надо было отступить или сдаваться. Так вот, есть нечто в человеческой жизни, что имеет совершенно формальное значение, и чтобы его понять, мы не должны приписывать никакого содержания, потому что надо, наоборот, освободить какой-либо процедурой, в частности, диалогом, от всякого содержания, которое мы невольно вносим. Это содержание может быть нашей пользой, и мы, следовательно, можем считать, что мораль — это то, что получено: или мораль —

это наша чувственная натура, т. е. мораль то, что вызывает удовольствие; но мы можем увидеть, что все эти образования — сами себя разрушающие, и на форме разрушения всех этих обоснований идея **упорядоченности** как таковой. Чего с чем порядок? Ответа здесь нет. Какой-то порядок души, как говорит Сократ. Добродетель — это какая-то упорядоченность души. Теперь мы знаем, что это имеет какое-то отношение к универсальности. Что значит «универсальность»; что значит «пустая форма» и что значит, я сейчас добавлю тре-

ть, с чего начинается акт философствования, **символ**. То, что я назвал формальным, пустым, бессодержательным, есть одновременно и символическое. Платон как бы показывает наглядно на наших глазах, что философия есть прежде всего мышление, рассуждение или установка «на» и «о» символическом. Это очень трудно пояснить, хотя без пояснения этого и понимания этого все распадется. Начнем постепенно раскручивать и при этом вводить еще иные понятия, которые вместе будут взаимно бросать друг на друга свет, способствующий их пониманию. Эти понятия, которые я сейчас введу для освещения понятия символа философского мышления как по существу символического мышления. Это, во-первых, **трансценденция** (трансцендирование, трансцендировать). Сами греки не употребляли этого слова (это понятие помогает уяснить то, о чем говорилось выше: есть мир по мнению, а есть мир по истине; мир по мнению здесь, а мир по истине там: трансцендентен, говорят философы). А трансцендирование есть акт переключения из мира по мнению в мир по истине. Это есть переход (или выход) за границы моей человеческой конкретной ситуации: я ее трансцендирую. Куда? Глагол «трансцендировать» предполагает указание того направления, в котором происходит акт трансцендирования, или мысленного движения куда-то, преодолевая свое человеческое положение. Куда? Пока это так и оставим вопросом, потому что напрашивается автоматически нефилозофский ответ: в трансцендентный мир, т. е. мир, состоящий из трансцендентных объектов вне нас, лежащих где-то в другом месте. Он, этот мир, в принципе отличается от нашего потому, что наш мир здесь, это мир по мнению, и только выскочив из него, мы оказываемся в трансцендентном мире. Этот ответ **подсказывается**, но философами не делается. Он не верен. Вам известно, что барон Мюнхгаузен, в отличие от просто человека, мог вытащить самого себя из болота за волосы. Эта сказка иллюстрирует (только с обратной стороны) наше сегодняшнее положение, а именно то, что и мы не можем выскочить из самих себя и посмотреть на себя со стороны, в принципе нам нужна еще какая-то третья точка опоры, которая лежала бы вне нас, и в физическом смысле мы можем эту точку найти, ухватившись за корягу или руку друга. А сами мы не можем, не имея

стально этого у Платона нет, но операция совершается просто на наших глазах, что мы можем думать о чем-то большем, чем человек, за пределами по отношению к человеку, и, хотя мы не можем выскочить в действительности из самих себя и посмотреть на себя со стороны, мы можем «ухватить» сами себя в акте думания о чем-то за пределами человека. Я ввожу некую операцию, которая философией потом будет называться рефлексивной операцией. И суть дела состоит не в том, на что направлен сам акт — этого мы пока не знаем, — а в том, что человек ухватывает сам акт рефлексивного. А что такое рефлекс? Это — «я думаю о том, что я думаю». Я о чем-то думаю, и при этом я еще думаю о том, что я думаю об этом «что-то» и фиксирую себя в этом положении, — думающего о себе, думающего о чем-то, и античная философия считает, что в этот момент, когда это происходит, тогда открывается **другое измерение** поверх и помимо локальных культур и обстоятельств. Я проиллюстрирую то же, только не из античности, а из области, к которой мы должны прийти позже: речь идет о монадохологии Лейбница. Для того, что нас сейчас интересует, монада обладает одним свойством, позволяющим мне проиллюстрировать то, о чем шла речь выше. Лейбниц говорил — и так записано в учебниках по истории философии — что монада среди прочих своих свойств отражает мир в целом, содержит в себе весь мир, и нам важно еще одно свойство: **монада не имеет окон**. Отражает в себе мир, а окон не имеет. Как это может быть? Я могу отразить то, что вне этой комнаты, но для этого ко мне должны поступить лучи через окно, нужно иметь «окно» на то, что я увижу. Но глядя в окно, вы увидите прилегающие к нему обстоятельства, факты — то что у окна. Монада может отразить весь мир — предпологается мир как он есть, а не так, как он кажется при условии, что она закрыта. Почему закрыта? Она закрыта по отношению к близлежащим обстоятельствам — **локальным**, как я мог бы сказать; т. е. образ, когда говорится, что монада не имеет окон, этот образ фиксирует определенную какую-то особую операцию, состоящую в том, что: окон нет — это означает, что монада по отношению к прилегающему, локальному закрыта, а изнутри открыта, т. е. если мы уйдем в

себя в момент фиксации себя, как думающих о том, о чем мы думаем. Когда мы думаем уже не о том, что конкретное содержание локально, а о чем-то другом, о том, что является условием того, что мы вообще в принципе думаем; т. е. я сейчас возвращаюсь, двигаясь кругами и постепенно поясняя одно другим к тому, что я перед этим, не поясняя, называл у Сократа и Платона **идеей порядка**, но неизвестно — порядка чего. Или **идеи мужества**, но как упорядочивать состояние души по содержанию не определяется. Почему не определяется по содержанию? Потому что Платон предполагает, что в философском смысле слова, в смысле такого определения, которое высказало бы что-то **универсальное** о мужестве (оно всегда то или иное мужество) не есть то или иное мужество, а есть **некоторое условие**, в силу которого вообще мужество может быть.

Т. е. это как бы какая-то дань самого мужества: есть мужество; а есть и нечто о нем, что есть условие того, что оно воспроизводится, есть и будет — это и есть мужество в философском смысле, т. е. условие объекта, которое никогда не является самим этим объектом. Это очень трудно передать понятийно, а можно передать, только выработав стилистику такого типа размышлений, поэтому еще один пример. У человека есть память. Под памятью можно понимать то, что помнится: сумма всего того, что помним мы, есть память. Но есть память в смысле «помнить» как условие того, что вообще можно что-то запомнить, и это **условие** никогда не есть нечто конкретно запоминаемое. Мужество есть нечто о мужестве, в силу которого само мужество есть, но мы никогда не можем ухватить это ни в одном конкретном примере отдаленно, как очередной конкретный объект, т. е. имеет в виду какое-то безобъективное условие, т. е. условие объектов, само не являющееся ни одним из них. Вот это и называется **символом**. Мышление такого рода условно объектов, которые не являются никогда ни одним из этих объектов и на которых никогда нельзя указать пальцем, есть философское мышление или мышление символами. **Символ** в этом значении равен **форме**. Символ есть нечто, соотносясь с чем я на своей стороне порождая те или иные конкретные состояния. Сейчас это совершенно непонятная фраза... берем форму и символ вместе... что это за тема, которая вошла в философию? Я, соотносясь в своем мышлении с этим (автор указывает на слово «символ» на доске), которое не есть предмет, живую, мысленно определенным образом, т. е. мое мысленное соотношение с этим предметом (это условное слово, ибо как я уже говорил, символ не есть предмет) есть условие существования во мне каких-то определенных вещей — мыслей, состояний и т. д., которых не было бы, если бы не было символа, т. е. существование этого термина есть проявление какой-то силы во мне самом. В этом смысле бог существует, возможно онтологическое доказательство, если признать, что сам факт моего высказывания о чем-то, чего нет, и есть проявление во мне каких-то условий, без которых во мне их не было нашей сознательной жизни,

бы, каких-то конкретных вещей, например, не было бы конкретных актов мужества, не было бы конкретных актов памяти, — ведь для памяти нужны условия памяти, которые не есть предмет, помнимый в памяти. Что такое мужество? Мужество — это есть условие мужества, которое не есть ни одно из конкретных разновидностей мужества; все они обладают одним условием, т. е. я соотносен во мне самого с чем-то таким, проявлением чего и является сама эта соотношенность. Страшная фраза... Но извините, чем богаты, тем и рады. В философии ничего другого нет, кроме тех операций, которые описываемы только вот такого рода фразами, которую я только что построил. И вот внутри этой операции, когда мы имеем дело с вещами такого рода, которые я назвал **символом**, формой (я сказал уже, что форма пуста), например, когда мы говорим «бог есть» и ищем его в виде лица, то мы ошибаемся: нет такого лица. А для чего нужна эта соотношенность, о которой я говорил? Вы помните, что я говорил Вам, что человек не есть продукт природы или, скажем, самосозидания какого-то. Какими средствами могу сам себя создать? Ведь я же не барон Мюнхгаузен, который мог сам себя вытащить за волосы, ведь я же не имею точки опоры, т. е. мы не имеем точки опоры в природе; природа не рождает людей, т. е. мы имеем в виду под самосозиданием человека действие в человеке какой-то силы, которая есть соотношенность человека с полагаемыми вовне внечеловеческими, внекультурными, внелокальными вещами, называемыми символами, когда мы говорим: бог создал человека, мы имеем в виду акт **отрицательного** философского мышления: мы имеем в виду, что не природой создала человека; чтобы был человек, должна быть совокупность актов, самим человеком совершаемая, актов вот такой соотношенности: тогда будет человек, или, иными словами, «бог создал человека». И вовсе не имеется в виду рождение человека богом каким-либо актом зачатия и т. п., а имеется в виду символ; и когда мы вводим символ, мы вводим отрицательное мышление, т. е. мышление, говорящее не о том, что есть, а пытающееся высказать то, что есть рассказом о том, чего нет. И мужество все время будет как тенденция, как наше состояние, направленное на что-то, чего не существует в виде предмета, но что является условием всякого существования, в нас — Чего? Вот такие условия, которые есть условия существования в нас чего-то, но сами не являющиеся никаким конкретным существованием, есть формы, символы, есть универсальное, есть то измерение, в котором мы воспроизводим через себя или через этот акт ухватывания на себе этой установки мир как целое, а не локально. И философия поэтому есть какое-то странное занятие: это есть одновременно какое-то учение, т. е. какая-то как бы отдельно от человека излагаемая и подпадающая ему наука, а с другой стороны, это нечто глубоко связанное с тем **режимом**, в котором наша сознательная жизнь живет и существует. Т. е. философия есть элемент, неотъемлемый от самого режима, которых во мне их не было нашей сознательной жизни,

ПЛАТОН

от того, как мы мужественны или немужественны, от того, как мы добродетельны или недобродетельны, и философия эксплицирует наше реальное человеческое существование в эфире каких-то философских актов. В этом смысле, например, обычно излагаемая последовательность «миф — религия — философия» не верна. В действительности последовательность не такая: сначала миф и так называемые локально этнические религии, потом философия, потом религия. Т. е. без акта светского философского мышления невозможно было бы проявление мировых религий, предварительно опосредованных философской обработкой культуры, без акта философствования не возникло бы, например, учение Христа. Это несомненный исторический факт. В действительности исторической последовательности предшествующее бытие философии было условием последующего появления мировых религий. Эти философские акты начались совершаться приблизительно в то время, которое Ясперс назвал «косевым временем» и оно падает на VI—IV вв. до н. э., в это время в разных местах мы наблюдаем сходные вещи; это сходство не является фактом культурной передачи или миграции. В античности это греческая философия и сам феномен полиса, в Индии «появление» Будды, в Персии — Заратустра и т. д., и все эти вещи имеют некоторое происхождение из того, о чем я до этого говорил, разясняя символы, формы трансцензуса, т. е. трансцендирования в себя, выходы из себя к чему-то большему, чем ты сам вне себя, откуда ты можешь на себя смотреть. Полностью ты действительно не можешь выйти из себя. Нет такой точки. Но есть символ. т. е. я буду говорить о себе, как о мышлящем **Об этом**, я ухватываю

ваю себя в направленности своей на это — значит. трансцендирование есть трансцензус без трансцендентных предметов; трансцендентных предметов нет, а наш выход вне себя, как бы к трансцендентным предметам есть. Каждый раз я и говорю: «нет, это не предмет» душа? Нет. Это не предмет, это условие нашего мышления, явление психической жизни называется душой, а бессмертной души не существует. Бессмертная душа есть условие, поступлат нравственной жизни. Я говорю «душа бессмертна», и мой язык, состоящий из предметов, из терминов, т. е. глаголов и существительных, говорит, что «душа бессмертна», но я сказал другое, т. е. если я философ. Философская фраза, или фраза эзотерическая символического нашего мышления может стать фразой предметного языка, где может считаться, что сказав, что душа бессмертна, имея в виду свою душу как какую-то единицу психической жизни, которая даже если и существует, не бессмертна. На самом деле, сказав, что душа бессмертна, я сказал, что иначе мы безнравственны, что не будет нравственности у нас, если мы не будем считать, что душа бессмертна. А язык-то у меня предметный по определению, в языке мы ничего не можем сказать. Кроме того как прилепить какой-то глагол к какому-то существительному. Точно так же я могу сказать: бог — троица. Плохой атеист, не понимающий языка, на котором говорит определенное сознание, скажет: бога нет. Но и не было сказано, что бог есть. Было сказано, что бог — троица. Т. е. за такими актами и некоторыми понятиями стоят **слова символического мышления**. Кант вынужден был разъяснять долго и подробно, что практический разум в отличие от теоретического разума имеет некоторые постулаты. А что такое по-

постулаты практического разума? Это вещи, существование которых в мире не утверждается этими постулатами, а с помощью их вводится **условие** и способ организации нашей социальной и нравственной жизни. Вот, скажем, вера есть постулат практического разума, а не утверждение существования чего-то в **предметном** смысле. И философское мышление начинается с того, что начинают думать **о такого рода условиях**, как символ, форма, т. е. предмет философского поиска — думать и находить то, что является условием предметов, само не будучи предметом, а добродетель это предмет, скупость — это предмет, мысль — тоже предмет. То, без чего нет никаких миллионов актов отдельных проявлений мужества, есть мужество в философском смысле этого слова. Знаменитое учение об идеях Платона часто понималось именно так, будто у Платона шла речь о существовании какого-то мира идей, наподобие мира вещей, например, есть человек, а есть идея человека; есть лошадь, а есть идея лошади; есть добродетель, а есть идея добродетели и т. д. С этой теорией связано максимальное число недоразумений, причем недоразумений не только у людей, которые были профанами, но и у профессиональных философов. Содержание платоновских «идей» понять действительно очень трудно. Мы находимся здесь на каком-то пределе возможностей человеческого понимания. Наш язык толкает нас на **предметное** понимание всего того, что мы в этом языке говорим. Мы сказали: идея существует, имея в виду под существующей идеей какой-то особый предмет, который не есть «лошадь», а есть «лошадность». И при этом происходит какое-то овеществление высказываний, которое в действительности не есть утверждение существования ка-

ких-либо вещей. Например, я сказал «бог», и это не значит, что я сказал что-то о существующем предмете по имени «бог». Нет такого предмета. Нет такого существа. И я говорю «бог» или я говорю: форма. Я этим понятием обозначаю что-то, что не является каким-либо содержанием, или что является условием. Но когда мы говорим «идея», «символ», «форма» — все это в ином ключе на уровне теории сознания Платона, в учении о науке, теории нравственности и т. д. и эстетической теории Платона называется **идеями**. Пока держите в голове, что «идея» — это нечто похожее на иное название того, что я называл символами, формами. При этом не надо поддаваться осуществляющим толчкам языка, о чем мы говорили, здесь можно взять так называемые теории общего: что такое лошадь? Лошадь есть общее, есть термин, обозначающий всех лошадей. Или «стол» — родовое имя. Т. е. есть какая-то процедура абстракции, посредством которой мы от какой-то совокупности предметов обрезаем их общие свойства. Лошадь, Человек и т. д., вот так можно понимать «идеи», и тогда мы добавляем, что есть реалистическое и номиналистическое понимание общего. Номиналисты считают, что общее есть **только** имена, а предметов таких нет, а реалисты считают, что есть общее как сущность в том мире, который есть, трансцендентный мир идей. Это тоже не так, потому что идея не есть общее от совокупности конкретных вещей. Сейчас я поясню это, и мы завоеваем еще одну ступеньку для понимания того, что есть идея. В античной философии всегда очень много метафор, пояснений, примеров из области ремесла, из области деления каких-то вещей. Платон приводит в качестве примера «кровать». На этом примере он часто пыта-

тся пояснить идею. Что такое **идея** кровати? Почему это особая проблема, почему нам недостаточно просто сказать, что кровать — это имя, понятие, общее от всех кроватей? А дело в том, что не об этом общем идет речь. Я уже говорил вам на прошлой лекции о существовании в человеческой жизни, культуре того, что я называл **артефактами**, т. е. каких-то созданий самого человека, которые в то же время есть не просто предметы, а одновременно какие-то горизонты вообще наших возможностей. Вот, я говорил вам: колесо. Что такое **колесо**? Это не просто, во-первых, предмет практический и не просто, если мы говорим о словах, название всех колес. Но я говорил, что мы **живем внутри колеса** как существа, перегибающегося, определенным образом. И оно есть наш горизонт вообще возможного перегибания. Я поясню еще: что такое кровать? Что общего всем кроватям? Не имя, а то, что есть условие именно того, как мы отдыхаем. Мы почему-то не спим стоя, а почему нельзя спать стоя? Мы почему-то занимаем определенное положение — живые, сознательные существа, почему-то мы спим, когда ночь — это что, так должно быть из каких-то логических оснований? Почему мы должны строить дома, внутри которых мы находимся? А если не будет крыши над головой —, то что-то разрушится в нашей психике. Мы не представляем, что можно жить, не закрыв себя с разных сторон. Круглая комната будет или квадратная — она всегда присутствует в нашем **абитусе**. Мы занимаем горизонтальное положение, наша кровать, как правило, приподнята над полом. А почему нельзя спать на полу? У японцев хотя и низкая мебель — тем не менее форма кровати, точнее форма культуры выполняется. Итак, что

такое **дея** кровати? Вот эти и есть идея: не общее кроватей, и не предмет сам — кровать, а вот живущее вот это окружающее кровать — Эфир, который ухватить почти что невозможно. Вот эта форма, в которой разыгрываются допустимые возможности нашего отношения к сну, и есть идея кровати. Она есть условие кровати. Но говорить о том, что есть какой-то мир, в котором идеи существуют неподобие предметов (в этом мире есть кровати, а в трансцендентном, куда можно трансцендироваться, есть кроватности) значит совершать гипостасирование общего имени. Но в философии Платона понятие «идея» вводится для указания на те условия, в силу которых и внутри которых как в эфире каком-то существуют какие-то предметы. И это условие есть сущность этих предметов. Задавайтесь над тем, насколько условно то, что мы вообще лежим на кроватях, чтобы спать. Почему? Ведь мы можем спать сидя, можем спать стоя, подвешенными, наверно, необязательно мы должны принимать такое именно горизонтальное положение. Т. е. само наше деяние и жизнь какого-то предмета содержит внутреннюю форму, являющуюся условием и горизонтом вообще нами представимого. В качестве нашей возможности спать в данном случае, или в случае колеса в качестве возможности передвигаться, в этом смысле все, что мы можем переместить, используя технические возможности, оказывается заданным — **идеей колеса**. Т. е. указание на то, что у предмета есть **аура** вот такого рода вещей и когда она есть условие самих этих предметов. Так вот такие идеи и есть, например, наша мораль. Есть идея мужества, а есть мужество, есть добро, а есть идея добра, есть справедливость, а есть идея справедливости.

НОНСЕНС

или

Сократ в газете

Последние номера «УЖ» были отмечены интересным событием — открытием новой рубрики «Время философии». Монстры западной мысли Хайдеггер и Кьеркегор, возможно впервые, прорвались на отечественные газетные полосы. Хорошо это или плохо? На первый взгляд, «новорожденной» можно только аплодировать и дарить цветы.

Еще бы! — ве, это:

- а) смело,
- б) необычно,
- в) просто полезно,
- г) является «дальнейшим развитием гласности».

Казалось бы все великолепно, но лично для меня появление философских текстов на страницах «УЖ» — тревожный симптом. Так запросто можно потерять читателей. Почему? На мой взгляд, читателя в первую очередь интересуют факты современной жизни. Именно они должны торжествовать в газете и именно в них журналист должен находить **свою философию**.

Думаю, не ошибусь, если скажу, что большинству наших студентов великие загадки жизни — глубоко до «фени». И если в стенах нашей «альма матер» нашлось хотя 50 молодых «аристократов духа», пронзенных откровениями экзистенциализма, то и это можно считать неслыханной удачей.

Редакция, объясняя появление философии на своих страницах, кивает на западные

газеты, говоря, что там они «не нонсенс, а норма». Но увы, увы — что положено Юпитеру...». Там все-таки вековые традиции существуют. А советского «массового» читателя наши «гениальные» идеологи давно уже отучили своим пустословием от чего-то истинно серьезного.

Предвижу возражения. Ведь университет, как-никак, а все-таки «интеллектуальная элита» (во всяком случае, должен быть таковым). Да и меньшинство, каким бы оно мизерным ни было, следует уважать. Видимо, именно эти доводы руководствовались «УЖ». Ведь все-таки, несмотря на все эти «апрельские ветры», в Союзе до сих пор опубликована лишь верхушка гигантского айсберга западной и отечественной философской мысли. Но что может сделать реально наша маленькая «УЖ», давая нам крохи с гигантского стола, уставленного изысканными деликатесами из холодильника мировой мысли? Только раздражение у «гурманов», желающих «если читать, так читать». Если можно так выразиться, то «газете — газетное, журналу — журнальное». А «УЖ» залезла на чужую территорию, благо что на этой территории не бродит сторожевого пса. А территория этих текстов — страницы журнала. И тут возникает вопрос — почему даже в эру гласности мы до сих пор не имеем собственного университетского журнала? Думается, что любой уважающий себя вуз должен иметь такое издание. Пусть журнал выходил бы раз в два месяца и печатал как научные материалы, так и работы на общественные темы. Полагаю, что базу для него вполне можно найти.

А. ЧЕРНЯВСКИЙ,
студент 3 курса.

(ВО ВРЕМЕНИ МНОГО ЛЬ КОРЫСТИ?)

Больше всего в этой реакции (единичной, во всех других многочисленных случаях и преподаватели, и студенты «приятно удивлены», что через газету можно получить столь ценный и вызывающий доверие материал) — больше всего огорчает типичная непоследовательность читателей, желающих, чтоб было «еще лучше». Сначала не было никаких текстов. Сейчас потихоньку печатаем, и никто еще не запретил (а, поверьте, такая возможность не исключена). Но везде и всегда, где из ничего начинается что-то происходить и совершаться, находятся люди, которые считают, что совершаться должно было начать по-другому, лучшим способом. Жаль только, что поводом для таких «пожеланий» того, чего нет и неизвестно, когда будет (журнал) является то, что есть: другие начали делать, но зато и по-другому. Мы говорим об этом не из обиды (наше новшество нам очень нравится), а как раз следуя пожеланию автора: в каждом факте видеть свою философию.

Эта мысль неплохая, и из-за нее-то мы и взялись писать ответ. Дело в том, что, во-первых, по поводу «фактов» газете очень легко стать субъективной и тенденциозной, если, конечно, не ограничиться одной их констатацией (но тогда — какую здесь увидишь философию?) Допустим, мы считали и считаем значительным фактом университетской жизни чтение лекций психологами лаборатории В. В. Давыдова год назад. Это истинно университетский факт жизни. Но в то же время проходило отчетно-выборное партийное собрание или что-то другое, — и вот оказалось нехорошо перед другим что-то одно

считали более значительным. А нам даже кажется, что такие курсы лекций значительнее и содержательнее установления международного сотрудничества, которое «трудно почувствовать». Например, когда заключали договор с болгарями, нам говорили: «очень скоро все это почувствуют»... Хотя это, конечно, дальновидная политика, это понятно, но вот как может становиться субъективной.

Во-вторых, нам кажется, что никаких «фактов» в данный момент жизни не происходит (по большому счету). Идут какие-то внутренние процессы вызревания (может быть, конфликтов, может быть, прорывов), накопление понимания. И каждый выбирает свой уровень, где для него идут эти процессы и разыгрывается реальность. Либо это факты повседневной жизни, либо весь социальный контекст, либо исторический. Например, газета Новосибирского университета так же ввела новую рубрику «Из первых уст», печатают статьи Троцкого или вот В. Г. Плеханова «О тезисах Ленина и о том, почему бред бывает подчас интересен». Т. е. они задают исторический контекст, они делают такой акцент и выбор.

А нам кажется, что проблемы где-то на более глубоком уровне, и вот мы открыли «Время философии». Кстати, о Сократе в одной недавней статье сказано, что в нем был явлен человек, за которым «тканочаются» возможности творческого и начинается боготварность». Мы не утверждаем, что данное время продиктовано ходом вещей или свыше. Хотя это может быть и так, но пусть считается, что мы сами открыли отсчет этому времени, а там посмотрим. — РЕДАКЦИЯ.

По нашему мнению, достоин

УВАЖАЕМЫЙ ТОВАРИЩ!

С 4 декабря 1989 года по 4 января 1990 года состоится выдвижение кандидатов в народные депутаты РСФСР и в местные Советы республики.

На территории Красноярского края (за исключением автономных округов и Хакасской автономной области) образован национально-территориальный избирательный округ по выборам народного депутата РСФСР.

На территории Октябрьского района образованы: один территориальный округ по выборам народного депутата РСФСР; 9 округов по выборам депутатов в краевой Совет; 30 округов по выборам депутатов в городской Совет; 100 округов по выборам депутатов в районный Совет.

В целях выявления возможных кандидатов в народные депутаты от коллектива университета просим ответить Вас на следующие вопросы:

- 1) Назовите, по Вашему мнению, достойного кандидата
в народные депутаты РСФСР

Краевого Совета

Городского Совета

Районного Совета

- 2) Отметьте три наиболее важных качества для народного депутата:

- СКОРОСТЬ

- смелость

- активность

- прагматизм

- профессионализм

- умение говорить

- внешний вид

(какие еще?)

Заполненные анкеты просим сдавать в деканаты.

Партком, Профком, Комитет ВЛКСМ

ПИСЬМО-ОБРАЩЕНИЕ УЧРЕДИТЕЛЕЙ КРАЕВОЙ КНИГИ ПАМЯТИ К НАСЕЛЕНИЮ КРАЯ.

В боях с гитлеровцами пали 165 тысяч воинов — уроженцев нашего края. На всем огромном пространстве, где четыре года шли ожесточенные бои, лежат в братских могилах защитники наши.

Крайкомом партии принято решение о создании к 50-летию Победы краевой книги Памяти, где поименно будут названы все, кто погиб на полях сражения, умер от тяжких ран в госпиталях, пропал без вести. Книгу эту можно сделать только сообща, при активном участии широкой общественности, всех вас.

Следует провести поквартирный обход, навестить семью каждого погибшего фронтовика с целью уточнения, проверки, перепроверки биографических сведений о нем. Необходимо записать такие данные: фамилия, имя и отчество, год и место рождения, национальность, в каком году и где призван в Советскую Армию, воинское звание, партийность, месяц и год гибели (про-

пажи без вести), где похоронен (указать село, город, область, край, республику). Необходимо также использовать другие формы работы по сбору материалов для книги Памяти. Хорошим подспорьем в этом вам могут послужить алфавитные книги военкоматов по учету погибших военнослужащих, карточки учета проживающих в домах, которые составлялись домоуправлениями, дворовые (или другие) книги учета населения сельских (поселковых) Советов народных депутатов, архивные материалы местных органов власти, учреждений, учебных заведений, пред-

приятый и организаций. Важные сведения могут быть получены также от местных музеев, краеведов, активистов, ведущих поиски ветеранов войны, советских ветеранов-однополчан.

Краевая книга Памяти будет издана на средства краевого отделения Советского фонда мира. Потребуются свыше 250 тысяч рублей. Их надо изыскать. Надеемся на ваши добровольные взносы с этого фонд, на счет 70501 с пометкой «На книгу «Памяти» Учредители краевой книги Памяти: крайком ВЛКСМ, крайвоенкомат, краевой совет ветеранов войны и труда, краевое отделение Советского фонда мира.

ОТ РЕДАКЦИИ: Получив это письмо с просьбой опубликовать в газете и не имея ни минуты раздумий, опубликовать ли его, мы сожалеем только о том, что нет ни адреса, по которому люди могли бы посылать собранные сведения, ни того, как учредители представляют себе этот сбор. Будет ли он организован какой-то центральной группой; или общественные организации (комсомол, совет ветеранов) должны обдумать и организовать систематическую работу; или это, действительно, предоставляется осуществить одиночкам и вслепую? Сообщаем по крайней мере адрес с конверта: 660017, Красноярск, пр. Мира, 94. Краевой комитет защиты мира.

Страницы. До самой своей смерти в возрасте 86 лет Морихэй Уэсиба не знал себе равных.

Вот как описывает свою первую встречу с ним один из учеников: «Когда меня представили учителю, то он сразу предложил мне атаковать его. У меня к тому времени был третий дан по дзюдо, и я охотно принял вызов. Собрав все свои силы, я бросился на учителя и непостижимым образом оказался на полу. Повторил свою попытку второй и третий раз — все с тем же результатом».

Для демонстрации преимуществ айкидо Уэсиба иногда показывал броски на трех нападающих одновременно борцах, вес каждого из которых превышал 130 кг. Сам же Уэсиба был мал ростом и весил всего 49 кг.

В последние годы жизни он приходил на занятия мощной походкой, опираясь на плечо племянницы. Но, войдя в зал, преображался — становился моим и непобедимым. Можете быть, это был педагогический прием, а может поразительная способность собираться в нужный момент. Ведь айкидо — система не только физической, но и главным образом, психологической тренировки, ставящая задачей достижение духовной и физической гармонии не только и, наверное, не столько для самообороны, но для выработки оптимального стереотипа поведения. За свою работу Уэсиба получил почетную медаль на пурпурной ленте, которой в Японии награждают за выдающиеся изобретения.

При разработке системы айкидо ее создатели опирались на передаваемые с помощью образов представле-

АЙКИДО?

Почему мы предлагаем редакции такую публикацию, да еще под эгидой лаборатории психологии?

Прагматическая цель: современные нагрузки предъявляют повышенные требования к адаптивным возможностям человека, и для того, чтобы выдержать их, нужно использовать опыт древних эффективных систем, раскрывающих энергетический потенциал человека. Уже достаточно известны китайская гимнастика «ту-шу», японские разновидности единоборств. Айкидо — система, ставшая известной недавно. В 1956 г.; в то же время она содержит уникальные методы тренировки ума и тела.

Другой мотив публикации — в том, что существующие представления о психологии связываются с суммой знаний, накопленных наукой «психологией» и с материалом, заключенным в учебники. Освоить этот набор знаний — и ты психолог. Но есть эзотерический опыт, который существует совершенно в других формах общения, и для усвоения которого нужны другие формы взаимодействия. Тенденция современной психологии — не в дальнейшем развитии лабораторных исследований, а в изучении такого опыта. Например, система айкидо детально проанализировала психическую составляющую КОНФЛИКТОВ (все участвующих сегодня на разных уровнях) и нашла оптимальную тактику поведения для того, чтобы уничтожить не противника, а конфликт.

Этот образ говорит о необходимости внимательного и постоянного наблюдения всей фигуры противника, подобно тому, как свет месяца освещает равномерно все предметы. Уэсиба ввел элементы аутогенной тренировки. Он рассуждал следующим образом: «Каждое утро человек умывается, освежает тело. Но ведь после сна необходимо освежить и ум, а этого никто не делает». Разрабатывая свои методы, Уэсиба и стремился восполнить этот недостаток путем своего рода утренней психологической зарядки. Если выделить наиболее характерные для айкидо моменты, то в первую очередь надо отметить высокую рациональность движений, с виду плавных, как в балетных танцах, но не уступающих в

30 ноября в экоцентре (биофак) проходило заседание на базе всесоюзного орнитологического общества. Слушали отчеты по полевому сезону: четыре от КГУ и три — пединститута.

Разработка методов и аппаратуры по оперативному слежению за перелетами птиц; изучение миграционных потоков птиц; поиски мест для наблюдений; отлов, кольцевание; лунные наблюдения — летят ли вообще птицы ночью, на какой высоте, как активно. И так далее. Все это рассказывали биологи и для биологов, но много было и просто интересного. Послушать — и поверишь, что университетская жизнь действительно существует и многообразна.

...В одной из местных газет был призыв: работают орнитологи, не мешайте; охотники, помогайте. И охотники в этом сезоне помогли. Раньше в отношениях с ними всегда были проблемы: человек берет отпуск, отправляется охотиться на свое привычное место, а там какие-то орнитологи.

..Два совхоза никак не могли разграничиться. В конце концов прокопали от одной фермы к другой солидную межу. Влаги стало недостаточно, и в этих местах исчезла трясогузка. Зато граница владений проведена четкая.

...Правда, как выяснилось, и «бардак» дает разные результаты. Уже 20 лет благодаря ему с степей Хакасии существует мелкое, захламленное озеро — «для уток то, что надо». Там прижилась нетрадиционная для этих мест шилоклювка.

Слайды. Равнина, белая, как будто в снегу, — а на самом деле это соль. Горы, озера, снятые с вершин холмов, и еще выше — из кабины самолета (авиаучеты тоже проводились, «5 часов

работы в воздухе»). Палатки — на одном из слайдов палатка вокруг окопана, так как в степи неподалеку от нее до того случилось три пожара. Колокольчик на березе. Комментарий: «Он показывал нам силу ветра в баллах. Ветром однажды прорвало и чуть не унесло большую палатку». Лесная птица на ладони. («Сибирская завирушка. Очень редкая, известно о ней мало»). Если бы так легко было сделать из этого слайда черно-белую фотографию, мы поместили бы ее с подписью:

Орнитологи хотят
Знать, куда они летят.

Это — из довольно бойкой «Неоконченной поэмы» художника-анималиста Виктора Бахтина. «почетного гостя» орнитологов. В Бахтин участвует в съемках фильма про журавлей — его отчет-стих о съемках был выслушан с должным вниманием и современной реакцией на смешные места.

Началась перерегистрация членов ВЛКСМ. По крайней мере комитет ВЛКСМ эконофакта такое объявление повесил, и кто не пройдет перерегистра-

цию, из комсомола выбывает.

30 октября в Красноярском обществе психологов состоялось заседание по теме: «Комментарий и дискуссии о телепсихотерапии». Если тут есть о чем говорить, то можно было бы попросить докладчика (Б. И. Хасан) дать такой комментарий и для студентов университета.

На горе уже неделю висит обращение к народным депутатам СССР о внесении в повестку дня II съезда Советов вопроса о 6-й статье Конституции. При голосовании о вынесении на рассмотрение вопросов, этот вопрос не был утвержден.

Статья 6-я Конституции говорит: «Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза. КПСС существует для народа и служит народу» и т. д.

Под обращением собрано несколько листов подписей.

скорости кажущимся более резкими движениями других видов борьбы. Конечными результатами приемов айкидо является либо бросок противника на пол, либо нейтрализация нападающего болевым приемом на руку и его удержание. Высокая эффективность приемов айкидо достигается за счет того, что в их основу положено не силовое, а болевое воздействие, достигаемое скручиванием мышц руки и кисти, а также использование силы противника — «ведение» за собой округлыми, плавными движениями. Верхом искусства в айкидо считается бросок, когда проводящий прием не касается руками нападающего, а увлекает его за собой серией движений, после чего нападающий теряет равновесие и оказывается на полу. Любопытно, что на начальном этапе обучения женщины оказываются более восприимчивыми к айкидо, чем мужчины. Очевидно, это связано с природной плавностью движений у женщин и с меньшим соблазном добиться эффекта в проведении приема за счет физической силы. Их, конечно, влекут занятия, которые вырабатывают красивую осанку и изящные движения. Очень часто в айкидо они достигают более высоких ступеней, чем мужчины.

Группа японских бизнесменов финансировала строительство Центра айкидо в Токио — «Есинкай». В настоящее время благодаря постоянной и активной поддержке деловых кругов школа айкидо имеет значительные финансовые возможности и опирается в своей деятельности на разветвленную сеть тренировочных центров, залов, клубов и т. д., ее филиалы есть прак-

тически в каждом городе Японии, а также во многих зарубежных странах. Общее количество последователей айкидо в Японии и за ее пределами насчитывает сейчас более миллиона человек.

Японских бизнесменов и политиков привлекает в айкидо и возможности улучшения собственных деловых качеств и организаторских способностей, воспитание воли и целеустремленности, развитие интуиции и способности принимать быстрые и точные решения в сложной ситуации, умение снимать нервно-психическое напряжение или, наоборот, в нужный момент концентрировать все силы для выполнения определенной задачи и вообще управлять своим эмоционально-психическим состоянием.

Поэтому многие представители японского бизнеса, управляющие частных и государственных учреждений, лидеры политических партий и общественные деятели консервативного направления не только финансируют организацию айкидо, но и сами занимаются этим традиционным боевым единоборством.

Проведенные исследования показали, что методы айкидо полезны и в повседневной жизни.

Айкидо становится объектом пристального изучения врачей, психологов, специалистов по физкультуре и хореографов. Японское общество продления жизни регулярно организует показательные выступления айкидоистов. Айкидо выработало оригинальные формы психологического тренинга.

Подборка материала подготовлена сотрудником лаборатории психологии В. ОЛЕЙНИКОВЫМ.